

Город-пациент

К исследованиям эмоциональной атмосферы городов

Расселившись по лицу планеты, человек оказался погружен в бесконечное разнообразие пейзажей – от тропических лесов до тундры и от равнинных болот до высокогорья. Многие века человек с удивительной изобретательностью приспособлял свое жилище к особенностям места обитания. Но постепенно технологии выросли до того уровня, при котором стало возможным создать полностью искусственный пейзаж, чтобы жить в нем стандартизированным образом, независимо от природных параметров территории. Человек научился при помощи строительных технологий обеспечивать себе оптимальную температуру и влажность, питание и ритм жизни независимо от характера и желаний «духов места». И тут выяснилось, что кроме комфорта «нижнего», телесного уровня, оказывается, жизненно необходим комфорт психологический. Чтобы жить в искусственной среде недостаточно еды, тепла и инфраструктуры. Еще необходимо, чтобы пейзаж населенного места был доброжелательным и веселым, интересным и жизнерадостным, чтобы его эмоциональное наполнение не мешало, а помогало жить.

Технократическая философия, преобладавшая в архитектуре весь XX век, привела к последовательному и полному игнорированию эмоциональной реакции человека на архитектуру. Великий Ле Корбюзье придумал модуль и концепцию «Лучезарного города», опираясь на механические размеры тела человека, его потребности в инсоляции, вентиляции и канализации – но не в позитивных переживаниях. Показательна в этом плане история Чандигарха, столицы штата Пенджаб – «индийской Ингушети». Проект перестройки этого города правительством Джавахарлала Неру изначально заявлен как триумф корбюзизма, идеал и образец для всех будущих городов, построенных на основаниях разума и здравого смысла. Однако за прошедшие с его постройки полвека Чандигарх приобрел прочную репутацию города комфортного, удобного и чистого, но не развивающегося. Его население ненамного превышает первоначально расчетные пятьсот тысяч, хотя в целом население Индии за данный период выросло втрое, и многие города – столицы штатов давно стали многомиллионными. Скажем, столица

Гуджарата Ахмадабад, в которой Ле Корбюзье строил лишь отдельные объекты, за то же время увеличился почти в четыре раза и давно перешагнул рубеж трех с половиной миллионов жителей. Немногочисленные туристы, допущенные в Чандигарх (он сохраняет статус закрытой территории – рядом враждебный Пакистан) пишут, что город производит впечатление законсервированного места, в котором десятилетиями ничего не меняется¹. На фотографиях видно, что улицы его пусты и безлюдны. Какой контраст с кишасами жизнью городскими пейзажами остальных индийских городов!

А ведь Чандигарх – это город, где всего лишь остановилось развитие. Существует множество мест, из которых люди разъезжаются, и развитие идет вспять. Такие убывающие территории попадают в порочный круг экономической и демографической депрессии. Население убывает потому, что территория перестает привлекать инвесторов, нет работы, нет перспектив, становится скучно и безнадежно жить. А инвесторы перестают вкладываться в развитие территории потому, что оттуда уезжают самые ценные работники. Недавно Стокгольмская школа экономики опубликовала исследование целой группы очень авторитетных специалистов под названием «Маркетинг мест». В книге приведено множество примеров, доказывающих: мало построить удобный и комфортный город. Надо еще, чтобы люди захотели в нем жить².

Однако как же выяснить, какие эмоции городской пейзаж вызывает у жителей? Спрашивать напрямую бесполезно, так как люди чаще всего не отдают себе отчета в переживаемых эмоциях. Спрашиваешь – что вы чувствуете в своем привычном пейзаже? Отвечают – да, в общем-то, ничего не чувствую. Большую часть времени обычный человек не осознает свои эмоции, ему кажется, что никаких эмоций и вовсе нет. А ведь никаких эмоций нет только у мертвого человека (да и то есть разные мнения по этому вопросу).

С выражением эмоций в прямой форме есть еще одна сложность. Количество различных эмоциональных состояний, которые может испытывать человек, весьма велико. У развитой, тонко чувствующей личности спектр переживаний достигает десятков тысяч нюанс-

текст
Константин Лидин

^ Чандигарх, здание Верховного суда. Построенное по проекту Ле Корбюзье здание и просторная площадь перед ним выглядят пустыми и заброшенными. Людям здесь неуютно

1. Чандигарх в фото-проекте Александра Народниченко. <http://www.archplatforma.ru/?act=3&catg=18>

2. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

> Рисунок 1.
Эмоциональный спектр
текстов об Иркутске
(осень-зима
2010-2011 гг.)

> Рисунок 2.
Эмоциональный спектр
романа «Чума»

ных состояний души. Между тем слов, обозначающих эмоции, в русском языке всего около сотни, причем многие из них устарели и в современной речи не используются. Поэтому каждое такое слово обозначает сразу целую область конкретных эмоций. Так и получается, что высказывания обычных людей относительно переживаемых эмоций, как правило, весьма расплывчаты и неопределенны. Только талантливому поэту иногда удается выразить в слове всю гамму переживаний, со всеми оттенками и динамикой. Если же типичный горожанин, участник опроса заявляет, что ему в городе тревожно, то какую тревожность он имеет в виду – угнетающую, обескураживающую, загоняющую в депрессию? Или бодрящую, азартную, гневно-веселую тревожность, помогающую жить ярко и остро? Обычный человек и сам не всегда способен отличить одно от другого – а ведь именно от таких нюансов зависит, будет он жить в данном месте или постарается уехать из него.

В подобных случаях научная методология рекомендует использовать статистический подход, например, частотный контент-анализ. Если собрать достаточно большой объем высказываний жителей о своем городе (не менее десяти тысяч слов), то можно вычислить, с какой частотой встречаются слова, обозначающие те или иные эмоции. И количественно, с высокой точностью сопоставить уровни присутствия этих эмоций.

Здесь, однако, возникает еще одна методологическая сложность. В современной психологии эмоций однозначно преобладает американская школа с присущим ей поведенческим (бихевиористическим) подходом. Определение понятия эмоций, которое используют бихевиористы, берет свое начало в небольшой работе Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у животных и человека»³. В ней эмоции определяются как внутренняя реакция на гримасу, вызванную внешним стимулом. Например, при виде врага у всех крупных млекопитающих хмурятся брови, сжимаются челюсти и раздуваются ноздри. Ощущения, которые такая гримаса вызывает у ее «носителя», это и есть эмоция «гнев». Ощущение, что ваше лицо улыбается – эмоция «радость – гордость». Ваши брови поднялись «домиком», а углы рта

опустились – «печаль» и так далее. Несмотря на всю спорность и даже нелепость такого понимания эмоций, данный подход стал ведущим в американской (а затем и мировой) психологии. В результате культура США предписывает людям непрерывно улыбаться, чтобы насытить их жизнь позитивными эмоциями радости и гордости. Наверное, больше всего выиграли от этого американские дантисты, но в исследованиях эмоциональной атмосферы городов бихевиористический подход мало что смог предложить.

В наших предыдущих публикациях мы упоминали модель, основанную на понимании эмоций как характеристик потока информации⁴. Эта модель выглядит как двумерное «пространство эмоций» с четырьмя полюсами – базовыми эмоциями и еще четырьмя промежуточными.

Наш эксперимент заключался в следующем: мы просили участников (студенческую молодежь) написать небольшие сочинения-эссе на тему «Мой город». Никаких ограничений при этом не ставилось – можно было писать все, что придет в голову. Каждый такой текст содержал не очень много материала, несколько сотен слов. За счет увеличения числа участников мы набирали объем текстов, превышающий десять тысяч слов. Такой объем по законам статистики уже можно подвергать частотному контент-анализу и на его основе можно получать вполне достоверные результаты.

Естественно, первый эксперимент был поставлен на иркутском материале. Осенью 2010 года группа студентов Иркутского университета путей сообщения приняла участие в сборе первичных данных, но сбор материала продолжался всю зиму, так что в итоге общий объем превысил сто тысяч слов, – это значит, что выводы анализа можно считать статистически достоверными. Первичные тексты были затем обработаны специальной программой.

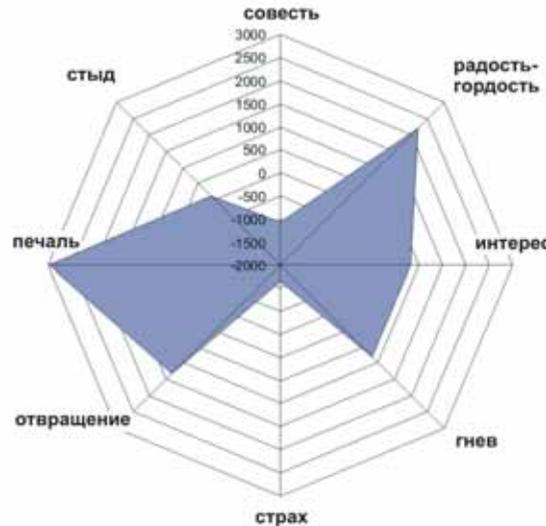
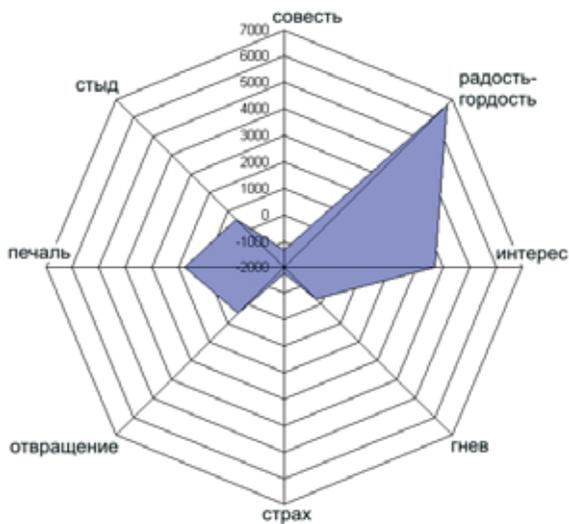
Общий вид спектра эмоций показан на рисунке 1.

Как можно видеть на рисунке, исходные тексты насыщены интенсивными эмоциями. Однако спектр этих эмоций сильно отклоняется от равновесия. Резко преобладают эмоции группы «страх» и группы «печаль». При этом промежуточная группа эмоций

3. Darwin C.R. The expression of emotions in man and animals/ - London: John Murray, 1872 / Chicago: University of Chicago Press, 1965. 216 pp.

4. Лидин К. Л. Пирожное с хреном. Дискомфортный город – как это делается // Проект Байкал/Project Baikal/ - 2007. №10. С. 55–58

Лидин К., Герасимов Л., Герасимов Ю. Нелакрированное лицо. К вопросу о культуре презентации города // Проект Байкал/Project Baikal/ 2006. №10. С. 25–28

< Рисунок 3.
Эмоциональный спектр сочинений «Мой город» новосибирских студентов

< Рисунок 4.
Эмоциональный спектр текстов П. Лопатина о будущем Москвы (1924 – 1955 годы)

«отвращение» выражена менее ярко, к тому же ее компенсирует столь же заметное присутствие эмоций противоположной группы «радость-гордость». Образуется два отчетливых «зубца» не скомпенсированной печали и страха под прямым углом друг к другу.

Подобный эмоциональный спектр носит проблемный характер и свидетельствует о депрессивных тенденциях. Можно утверждать, что иркутские студенты воспринимают свой город как унылое и горестное место, жить в котором страшно и тревожно. Подчеркнем, что речь тут идет не о каком-то конкретном страхе, а о ненаправленной, (диффузной) тревожности. Респонденты боятся не чего-то конкретного, но как бы дышат страхом, разлитым в иркутском воздухе. То же самое относится к эмоциям группы «печаль» - это не конкретное горе, а общий упадок интереса к жизни, безрадостная и беспричинная тоска.

Особенно неприятно то, что в спектре по осям «печаль» и «страх» наблюдаются именно острые зубцы. Элементы спектра подобной формы указывают на невротический характер эмоциональной атмосферы нашего города. Молодые люди как бы застревают в этих, деструктивных и обесценивающих состояниях, им бы и хотелось жить более радостно и интересно – но никак не получается, депрессия цепко держит их своими паучьими лапами.

Похожее сочетание зубцов по осям «печаль» и «страх» можно обнаружить, например, при анализе текста книги Альбера Камю «Чума». Роман был написан в конце сороковых годов прошлого века. Он повествует об эпидемии чумы в маленьком алжирском городке. В аллегорической форме, однако, книга посвящена мучительными поисками смысла жизни в катастрофическом мире, об испытании людей на устойчивость к подлости и о том, как мало героев выдерживают такие испытания.

Спектр книги показан на рисунке 2.

Очевидно, спектры демонстрируют и существенные различия: в текстах иркутских студентов практически отсутствуют эмоции группы «совесть», так что страх остается ничем не скомпенсированным. Сильно, почти в три раза по сравнению с романом, увеличена также

интенсивность эмоций, образующих зубцы. Но в целом есть основания полагать, что сегодняшней иркутской молодежи приходится переживать состояния, сходные с экзистенциальными поисками послевоенной европейской интеллигенции. Заметим, что Вторая мировая не была для европейцев войной «на выживание». Гитлеровцы не планировали физического уничтожения западноевропейских народов так, как это предполагалось по отношению к славянам. Для французов война скорее стала испытанием чести и совести перед лицом нравственной чумы фашизма. И послевоенная молодежь испытывала глубокую горечь, тревогу и печаль от того, как много соотечественников поддались искушению сотрудничества с оккупантами, как легко сдали высокие идеалы наглому дикарю.

Нечто аналогичное, по-видимому, испытывает и современная иркутская молодежь.

Для сравнения мы провели аналогичное исследование по отношению к близкому соседу и конкуренту Иркутска – Новосибирску. Сбор материалов был проведен среди новосибирских студентов инициативной группой под руководством Ольги Альфонсавны Белокрыкиной, за что и выражаем ей глубокую благодарность.

Эмоциональный спектр текстов о Новосибирске показан на рисунке 3.

В поисках аналогов высказываниям новосибирских студентов о своем городе мы обнаружили тексты некогда весьма известного автора – Павла Лопатина. Начиная с середины двадцатых годов прошлого века, он писал весьма оптимистичные и радостные тексты о прошлом, настоящем, а особенно о будущем Москвы⁶. Подборка его рассказов о светлом грядущем коммунистической столицы недавно была опубликована в нашем журнале.⁷ Надо заметить, что эмоциональный настрой его произведений практически не менялся на протяжении тридцати пяти лет, сохраняя оптимистический и рекламно-радостный характер.

На рисунке 4 показан эмоциональный спектр текстов П. И. Лопатина.

Оба спектра отчетливо демонстрируют отдельные лепестки в противоположных областях пространства

5. Анализ проводился по изданию Камю А. Чума. М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2010.

6. Лопатин П.И. Город настоящего и будущего. Серия: Чудеса техники под редакцией Т. Молодого М. Новая Москва, 1925. Лопатин П.И. Москва в 1945 году // Техника – Молодёжи, июль (№7) 1940. С. 6–12
Логинов А., Лопатин П.. Москва на стройке. М.: Молодая гвардия, 1955.

7. Проект Байкал/Project Baikal/ 2011. №28. С. 84–90

< Спектр рекламных текстов о Транссибе и Иркутске, извлеченных из Интернета. Спектр неравновесный – наблюдается перекося в сторону эмоций «интерес» и «совесть». Имеются признаки невротического расстройства

эмоций. Лепесток возле оси «радость-гордость» выглядит вполне логично – это группа эмоций, наиболее привлекательных и в наибольшей степени связанных с общепринятым понятием счастья. Счастье и радость в бытовом сознании – понятия близкие и почти родственные. Именно счастье в смысле гордости и радости чаще всего обещает реклама. И бодрые тексты Павла Лопатина естественно несут рекламный характер, как и большинство текстов ленинско-сталинской публицистики.

Гораздо труднее логически обосновать лепесток в области группы эмоций «печаль» (плюс пограничные эмоции «отвращение» и «стыд» – именно за счет их активного присутствия на спектре получается не зубец, а лепесток). Наличие этого лепестка объясняется необходимостью уравновесить интенсивные эмоции «парадного» характера – иначе спектр станет неравновесным и, следовательно, болезненным. Перекошенный в сторону радости-гордости эмоциональный спектр является признаком нервного расстройства под названием «нарциссизм». Его симптомы – самовлюбленность, завышенная самооценка, глухота к критике и беспредельный эгоизм. Современная реклама нередко демонстрирует именно такой комплекс состояний. Для примера приведем спектр рекламных текстов, полученный при анализе подборки материалов Интернета, посвященных Транссибу и Иркутску.

Лепестки спектра текстов П. Лопатина практически полностью уравновешивают друг друга, и это придает текстам достаточный уровень психического здоровья. Неравновесность спектра текстов, которые написаны новосибирскими студентами, указывает на возможность неадекватного отношения к своему городу. Слишком много, восхищения, слишком радостный и восторженный образ, граничащий с самолюбованием и завышенной самооценкой.

Вряд ли можно однозначно сказать, какой вариант лучше для развития города в дальней перспективе. Депрессивные «зубцы», конечно, подавляют оптимизм и делают молодежь более вялой и пессимистичной. Восторженное нарциссическое мировосприятие приятно тешит самолюбие старшего поколения и начальни-

ков – ведь молодежь (или вообще все горожане) выглядят довольными, они радуются и гордятся своим городом. Однако депрессивные состояния часто бывают плодотворными. Они подталкивают человека к критическому отношению к себе и к окружающей действительности, угрюмые настроения зачастую стимулируют творчество. Разумеется, чтобы ответить на депрессивный вызов творчеством, надо быть человеком сильным и талантливым, а таких всегда немного. Так и получается, что в мрачном Иркутске появляются Распутин и Вампилов – литераторы мирового уровня, несмотря на полное отсутствие у них рекламно-жизнерадостной тематики. Да и архитектурная школа Иркутска выглядит как-то продуктивнее (достаточно прочесть список лауреатов фестиваля «Зодчество-2010»). А вот самолюбование, хотя и защищает от критики, зато может затормозить любой творческий процесс – зачем же творить, если и так счастье рядом?

Тем не менее общая тенденция такова, что сегодня топовые территории скорее похожи на Новосибирск, чем на Иркутск. Депрессия в эмоциональной атмосфере города, несмотря на ее творческий потенциал, отталкивает и отпугивает людей. Радость и гордость за свой город, даже граничащая с нарциссизмом, людей притягивает и привлекает. Факты – вещь упрямая, а данные переписей показывают рост населения Новосибирска и убыль населения Иркутска на протяжении последних двадцати лет. А вместе с людьми из города утекает и жизнь. Немногочисленные креативные личности, способные пережить депрессию в творчество, не спасут убывающий город. Они же не могут одни, без поддержки властей и общественности обеспечить полноценный и насыщенный поток событий в городе. А именно новые впечатления, события, яркие переживания сегодня считаются наиболее эффективным лекарством от депрессии. Выбор один – либо продолжение нынешней тенденции в сторону нарастания печали и страха в атмосфере города со всеми вытекающими последствиями общего упадка. Либо решительный поворот в сторону более сбалансированных и здоровых эмоциональных состояний города, рост и развитие к новым высотам.